

ПРОЩАНИЕ

Когда умирает великий человек, невольно испытываешь мистический, какой-то нутряной бунт: зачем высшие силы не пощадили его! Небеса не позволили Аверинцеву хотя бы еще десяток лет подержать на своих плечах свод русской духовности, пошатнувшийся после ухода Алексея Федоровича Лосева и Дмитрия Сергеевича Лихачева. Смерть Аверинцева многие переживают как личную утрату. Ушел человек парадоксальной образованности, философ, выстроивший собственную концепцию духовного родства Востока и Запада.

Читая поэтические книги Аверинцева "Плутарх и античная биография", "Поэтика ранневизантийского Средневековья", получая удовольствие от его переводов псалмов и древних мифов, невольно поражаешься: все это сделал один человек! Можно представить, как осиротели студенты, потеряв своего гениального просветителя.

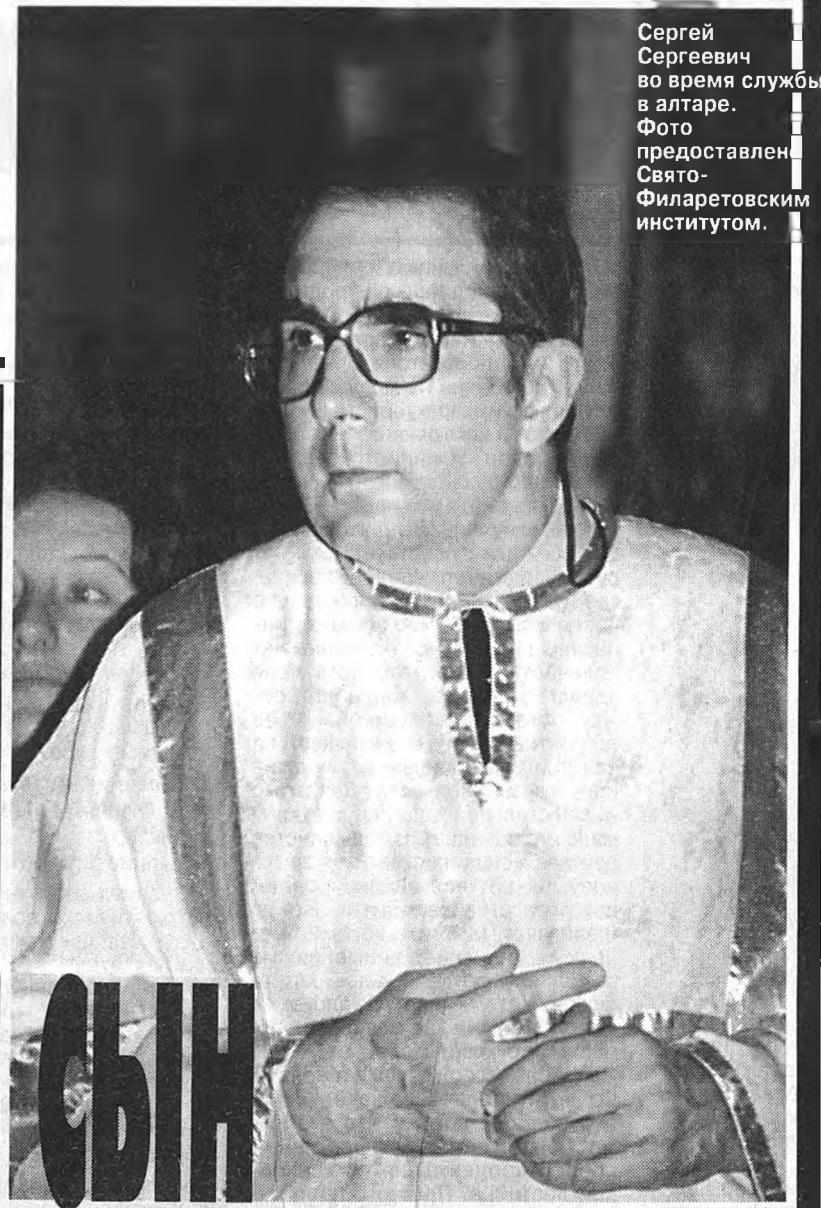
Мало кто знает, какой могучий дух нужно было проявить мальчику Сереже, чтобы не только справиться с серьезным недугом, но и с ранних лет развить в себе страсть к познанию. Одна моя знакомая, географ по образованию, вспоминает, как они, студенты пединститута, где преподавал биологию Сергей Сергеевич Аверинцев-старший, увидели однажды мальчика Сережу. Их поразило, что сквозь его белую рубашку просвечивает темный корсет. Но в глазах мальчика не было никакого уныния. Он явно с удовольствием разглядывал очень красивую 25-летнюю лаборантку, потому что с детства юная душа тянулась к прекрасному.

Сережа был поздним ребенком. Его седой отец по возрасту вполне годился бы ему в деды. Разница в возрасте родителей была очень большой. Так что и дом, и заботы о мальчике легли на плечи матери, раньше преподававшей на факультете иностранных языков. Академик Михаил Леонович Гусейнов говорит, что мама Сережи была очень сильным и одаренным человеком. Он унаследовал красоту и мудрость своих родителей. Его интерес к поэзии — от отца, сверстника и свидетеля жизни и творчества корифеев Серебряного века.

Еще студентом МГУ Сергей по-прежнему встречал свою будущую жену Наташу Зембатову — она была курса на два моложе и однажды пришла к нему, как он говорил, "слушать мои медитации". Она была античницей. "И хотя ее статьи по античности уже публиковались, Наталья Петровна целиком ушла в семью, чтобы Сергей Сергеевич мог по-настоящему, самозабвенно работать. Это был поступок!" — сказал академик Гаспаров.

О талантливом студенте написала добрые воспоминания Аза Алибековна Тахо-Годи в книге "Лосев": "Сережа Аверинцев учился на классическом отделении университета, был там аспирантом и защитил диссертацию по Плутарху, когда я принимала дела от профессора Попова и начала заведовать кафедрой в 1962 году. Сергей любил музыку, почитал Вагнера, русских символистов, его влекла совершенно запретная стихия византийской духовной поэзии, проблема богословия. Он прекрасно знал древние языки и новые, интересы его непосредственно совпадали с тем, что когда-то увлекло молодого Лосева. Отсюда и возникла близость между Лосевым и Сергеем, который пришел к нам не один, а со своим другом — германистом, знатоком Хайдеггера и музыки, Сашей Михайловичем..."

Представьте атмосферу общения молодых с великим мыслителем Лосевым. За чаем они горячо обсуждают различия католицизма и православия. Тахо-Годи уточняет: "Оба философствовали в богословии и музыке, стали тонкими ценителями изысканной поэзии, для обоих немецкая культура была родной почвой, с ее романтиками, Гете, музыкой, философией — старой и новой". Молодой Аверинцев в то время написал для "Философской энциклопедии", как и Лосев,

Сергей Сергеевич во время службы в алтаре. Фото предоставлено Свято-Филаретовским институтом.

СЫН СВЕТА

Аверинцев оживил Византию

сать иначе: "Теперь я могу договаривать все до конца, не могу позволить себе ни намеков, ни просветительской пространности. Но необходимость договаривать все до конца подразумевает и необходимость **додумывать** все до конца".

Как никто другой, академик Аверинцев осознал кризис культуры. Да и ее понимание расходится с нашим банальным представлением о ней: "Я вообще не очень люблю слово "культура". По-латыни оно означает "возделывание", значит, воспитание, но не в утилитарном, не в резонерском смысле. **Возделывание ума, души, духа**... Нынче же это слово означает некую совокупность продукции искусства, науки, философии и так далее. Сейчас я вижу скорее кризис идеи воспитания. Максимилиан Волошин говорил, что злейшее насилие над человеком — это его воспитывать. И мы наблюдаем злейшие плоды попытки тотального перевоспитания человека".

До 97-го года он преподавал еще и в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. И неизменно учебный год начинался его словами, обращенными к студентам всех курсов. Работая в Вене, Сергей Сергеевич приезжал в Москву и всегда приходил в храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, где молился вместе с настоятелем и своим другом о. Георгием Кочетковым. Когда сюда пришла печальная весть о кончине Сергея Сергеевича, преподаватели и студенты собрались в часовне института. Они прослушали запись последней его проповеди и помолились за упокой души новопреставленного.

Я попросила близких друзей Аверинцева, двух академиков РАН, рассказать, что поразило их в личности Сергея Сергеевича.

Григорий БОНГАРД-ЛЕВИН:

— Сергей Сергеевич — человек исключительной духовной чистоты и честности. Он был искренним, как ребенок. Ему открывались такие тайны русской словесности, античной и византийской мудрости, которые были подвластны только ему. Аверинцев — подлинный мастер слова. Он был увлечен творчеством поэта и философа Вячеслава Иванова. Названием его книжки стали слова Иванова: "Скворещиц вольных граждан". Таким был и сам Аверинцев.

К слову, свою последнюю статью — "К пониманию начальных слов Евангелия от Марка" — Аверинцев опубликовал в академическом сборнике "Scripta Gregoriana", посвященном 70-летию Бонгард-Левина.

Михаил ГАСПАРОВ:

— Аверинцев хорошо понимал, что слово "филолог" значит "любящий слово". Однажды он сказал: "Жалко, что нам не хватает объема души, чтобы любить всякое слово". Вы знаете, что в гуманитарных науках можно соблюдать и строгую научность, а можно и апеллировать к чувству и вкусу. Аверинцеву приходилось читать лекции, писать статьи и книги, опираясь и на то, и на другое — и на доказательность, и на убедительность. И популярность свою он приобрел больше тем, что умел говорить о тонком и неуловимом так, что слушатели это воспринимали и понимали... Он знал несколько языков и, естественно, читал лекции на языке своих студентов.

— **Михаил Леонович, Аверинцев показывал вам свои стихи?**

— Показывал очень редко.

— **Вы знаете какие-то подробности о болезни Сергея Сергеевича?**

— У него смолоту болело сердце. В юбилейном возрасте ему сделали двойную операцию — на сердце и на печени. Он в шутку говорил, что не зря эта тяжелая процедура совпала с кельнским землетрясением.

Сергей Сергеевич шутил по этому поводу еще отважнее, чем заметил Гаспаров: "Недавно я перенес операцию на сердце. "Ущербом клапана томим, я в Боннской клинике томился... И герр хирург в один момент мне сердце трепетное вынул..." Он очень полюбил меня и все спрашивал: правда ли, что я пишу стихи, и правда ли, что я был депутатом. Сердце мое во время операции остановили и "завели" вновь электрическим разрядом..."

В дни 60-летнего юбилея Сергею Сергеевичу позвонил один мэтр и в разговоре заметил: "Сережа, вы взрослый человек?" Он ответил: "Нет, я уже никогда не буду взрослым, я упустил время сделаться взрослым". Так осознают себя на земле настоящие поэты.

Несколько лет после операции Сергей Сергеевич чувствовал себя неплохо. И вдруг случилась беда в мае — инфаркт или инсульт. Наступали иногда легкие внешние улучшения, но, вероятно, шел разрушительный внутренний процесс. Практически в сознание он не приходил.

Его жена Наталья Петровна сейчас в Вене. Дети, Мария и Иван, учатся в Германии. Тело покойного кремировано, а весной, после Пасхи, прах захоронят в Москве на кладбище Даниловского монастыря.

В статье "Золото в системе символов в ранневизантийской культуре" Аверинцев цитирует строки византийских поэтов. В одной строке из Симеона Нового Богослова III века бессмертно звучит порыв нашего великого современника:

**Свет небесный над главой моей
лучится**

**Полностью светолитья,
Понуждая ум и сердце
К ликованью, к испугу.**

Прекрасное завещание людям просветителя и поэта.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Аверинцев родился в 1937 году в московской профессорской семье. В тридцать лет защитил на филологическом факультете МГУ кандидатскую "Плутарх и античная биография" (1967); его докторская диссертация "Поэтика ранневизантийской литературы" (1977) получила профессиональную оценку живого реликта русской религиозной философии А.Ф.Лосева — но притчей во языцех Аверинцев станет еще раньше. Посвященная культурной метаморфозе, в ходе которой из поздней античности возникла христианская цивилизация Средних веков, монография резонировала с интересами позднесоветской интеллигенции, как раз на исходе семидесятих потянувшейся к Церкви. Уже к моменту публикации "Поэтики" не скрывавшего своей веры университетского преподавателя и лауреата премии Ленинского комсомола — вопреки личной скромности — только коллеги-профессионалы воспринимали в качестве академического ученого, компетентного в границах специализации. Сотни же человек, набивавшихся в аудитории 1-го гуманитарного корпуса, приходили на его лекции за универсальной духовностью, и лишь неангажированность Сергея Сергеевича диссидентским движением спасала от навязанной роли духовного вождя.

Наряду с о. Александром Менем Аверинцев остается непрерываемым авторитетом в интеллигентски-церковных кругах. Переводчик Евангелий, книги Иова, псалмов и автор "Стихов духовных" (1989—1990), Аверинцев — скорее всего поневоле — оказался одним из вдохновителей умеренно-протестантского течения внутри РПЦ; напомним, что скандал вокруг о. Георгия Кочеткова вырост как раз из полемики о допустимости перевода священных текстов на современный русский и свободе литургического творчества. Официальные соболезнования Алексея II в этой связи кажутся жестом примирения Патриархии с православными модернистами. Показательно, что из светской литературы Аверинцев выбирал для перевода сочинения околорелигиозной тематики: роман Гессе "Паломничество в страну Востока", избранные стихотворения католика Клоделя, Рильке, всерьез помышлявшего о "русском Боге", и стихийных мистиков Гельдерины и Тракля. Стоит также полистать справочную литературу, чтобы заметить: подпись "Аверинцев" и в БСЭ, и в "Мифах народов мира", и в "Философской энциклопедии" стоит, как правило, под статьями, истолковывающими такие понятия, как "Христианство", "Новый Завет", "Патристика". Активное миссионерство профессора сделало его фигурой публичной политики.

Избранный в 1989-м от Академии наук в Совет народных депутатов, он примкнул к Межрегиональной группе; статьи его и сейчас можно встретить на официальном сайте "Яблока" — все это отвлекает внимание от собственно литературоведческих трудов филолога Аверинцева, который с 1969-го по 1992-й проработал в Институте мировой литературы. Уплатив дань переосмысленному и захваленному Серебряному веку биографией Вячеслава Иванова, он сам впоследствии расставил акценты. Председатель Международного Мандельштамовского общества, Аверинцев не первым, но наиболее категорично артикулировал в статье "Почему же все-таки Мандельштам?" (1998) запоздалое понимание того, кто был главным русским поэтом прошлого века. Как просветитель и популяризатор гуманитарных наук он еще в 69-м акклиматизировал в России идеи голландца Хейзинги, рассматривавшего культуру как игру; а в конце восьмидесятых публикациями о Бахтине и Шпенглере фактически продиктовал университетскую моду на термин "диалогизм" и культурологию. Международное признание Аверинцева — помимо того что Ватикан присвоил ему степень доктора церковных наук и академика папской академии наук общественных — дало Сергею Сергеевичу должность профессора Венского университета и возможность год от года реже собирать в московской alma mater аншлаги.

Теперь тихий и сбивчивый голос великого лектора можно услышать, только разыскав пластинку его стихов и переводов, выпущенную когда-то фирмой "Мелодия".